

Охотники за галлюцинациями 1

Сомнительный дар

16+

Дмитрий Мансуров

Дмитрий Мансуров

Охотники за галлюцинациями

1. Сомнительный дар

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Мансуров Д. В.

Охотники за галлюцинациями 1. Сомнительный дар /
Д. В. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Случайный удар головой о тумбочку — и перед Владиславом открылся новый мир: теперь он видит чужие галлюцинации. И не только видит, но и может избавить от них любого человека. И все бы ничего, но галлюцинации не желают мириться с таким положением дел.

В любое другое время Владислав не шагнул бы по погруженному в вечерний сумрак подъезду так быстро, как сейчас. Но нарастающая ярость оказалась сильнее осторожности, и Владислав уверенно поднимался по слабо различимым в темноте ступенькам, точно зная, сколько шагов нужно сделать, чтобы не споткнуться о последнюю ступеньку и не расшибить себе лоб ударом о бетонный пол.

– Я видел его! Я видел его! – словно заезженная пластинка, повторял Федор – сосед по подъезду, живущий двумя этажами ниже Владислава. Судя по стойкому запаху самогонки, сосед снова напился и частично пребывал в мире алкогольных иллюзий. Пугающих иллюзий, из-за чего Федор и выскочил из квартиры, а теперь шагнул обратно следом за Владиславом, прикрываясь им, как живым щитом. Перепуганного бедолагу заклинило на одной фразе. – Я видел его!

– Кого, его? – сквозь зубы процедил раздраженный Владислав, прерывая монотонные причитания соседа.

– Да его же! – многозначительно произнес Федор, даже ради приличия не старясь вслушиваться в предположения соседа. – На кухне!

– Пить меньше надо, вот и не будешь видеть, кого ни попадя, – проворчал Владислав.

– Думаешь, если начну курить, будет лучше? – возразил Федор.

– Смотря, что начнешь, – Владислав остановился перед открытым входом в квартиры Федора. Не потому, что боялся встретиться лицом к лицу с таинственными гостями алкоголика, а потому, что организм решительно отказывался входить в этот рассадник тараканов и прочей неприятной живности. Владислав осветил коридор дешевым китайским фонариком, по случаю купленным в киоске. Обычно летними вечерами было гораздо светлее, но сейчас небо заволокли гроззовые тучи, и с облачных высот доносились редкие звуки грома. Фонарик, казалось, и сам боялся темноты: слабенький луч света пронзал её от силы на метр-полтора, чем отдаленно напоминал лазерный меч джедаев из «Звездных войн».

От запаха самогонки даже у входа резало глаза. Владиславу казалось: пробудь он в квартире Федора всего лишь пять минут – захмелеет от запредельной концентрации алкогольных паров.

– Да тут самогонку прямо из воздуха добывай! – прокомментировал он, поворачиваясь к соседу и замечая, что тот держит во рту сигарету. – Не вздумай закурить, придурок!!!

– Ой, ой, ой! – пробурчал Федор. – Борец за нравственность нашелся...

– Ты свои мозги совсем заспиртовал, что ли? – рассердившийся Владислав махнул рукой в сторону квартиры. – Зажжешь спичку – подорвешь подъезд к такой-то матери со своим спиртовым изобилием! Мы же тогда тебя всем бывшим подъездом с того света достанем и морду набьем!

– Ладно, не кипятись, – Федор торопливо убрал сигареты обратно в карман. – Ты лучше входи, не стесняйся. Оно по кухне бегало...

– Оно... – повторил Владислав. – То самое оно из фильма по книге Стивена Кинга? К черту! Сам разбирайся!

Федор отрицательно покивал головой.

– Не, не такое... поменьше.

– Карликовое Оно? – хмыкнул Владислав. – Жуть. А конкретнее можешь сказать?

– Не могу. Лучше посмотреть.

– Это еще почему?

– Ты не поверишь моим словам.

– Почему?

– Понимаешь, это существо слишком... необычно для здешних мест.

– У тебя, что, карликовый крокодил среди бутылок завелся? – Владислав еще раз осветил квартиру, но фонарик не осветил ничего экстраемального.

– Нет, – ответил Федор, – но он не менее опасен.

Владислав быстро перевел луч фонарика со старого шкафа на физиономию соседа.

– Не менее? – воскликнул он. – Слушай, Федор, ты не мог бы не говорить загадками? Говори прямо, кого видел?

– Нет. Ты заранее испугаешься и сразу же уйдешь.

Владислав посмотрел на него презрительным взглядом: вряд ли в квартире Федора появились какие-нибудь зеленые человечки с Альфа Центавра или желтые с Антареса. Скорее всего, обычная крыса в силу схожести перепутала чистую помойку с грязной квартирой соседа. В следующую секунду он понял, что сосед всего-навсего пытается разжечь его любопытство, чтобы Владислав уже добровольно решил зайти в квартиру и посмотреть, что же за таинственное существо бегают из комнаты в комнату и не дает соседу спокойно употреблять любимую жидкость?

– Где кухня? – спросил он: препирательство с Федором ни к чему хорошему не приведет, только время зря потратится. Давно пора разобраться с таинственным гостем соседа, при определенном развитии событий вместе с этим гостем надавать соседу по шее и со спокойной совестью вернуться домой.

– Налево по коридору, – ответил Федор, – как и за все сорок лет существования квартиры.

– Я у тебя впервые, если ты не заметил, – Владислав с ясно читающимся на лице выражением брезгливости вошел в квартиру и прошел на кухню, по пути на всякий случай пощелкал выключателем, проверяя, не появилось ли электричество? Лампочка даже не мигнула, все так же оставаясь погасшей. Помянув недобрым словом всю бывшую компанию РАО ЕЭС разом, Владислав осветил фонариком полы и стены, он не обнаружил никаких форм жизни, кроме толстенных рыжих тараканов, неспешно передвигающихся по полу и стенам и лениво шевелящих тонкими усиками. – Наночубайсы несчастные...

Насекомые не могли напугать такого алкоголика со стажем, как Федор, тем более, настолько объевшиеся. Они вообще должны были поставить ему памятник за то, что он не прибирает в квартире и все остатки еды со стола всего лишь смахивает на пол. У Владислава появилось желание пройтись по жилью Федора огнем и мечом, на крайний случай – дихлофосом и обувью, но он переборол попытку превратить насекомых в поджаренную биомассу: долго, мучительно, да и бесполезно. Здесь должны работать настоящие специалисты по уничтожению насекомых.

Так кто мог напугать этого алкоголика на самом деле? Настоящий черт исключается, как не существующий в реальности. Разве что в гости к Федору нагрянул представитель алкогольных галлюцинаций, дабы наладить контакты с избранным представителем человечества и основательно потрепать ему нервы.

– Кстати, да, – Владислав вспомнил, что долгое пребывание в квартире Федор грозит опьянением, и поспешил уменьшить воздействие атмосферы на свой организм. Да и Федору лучше станет, если он, конечно, еще не разучился дышать нормальным воздухом. Быстрым шагом Владислав подошел к окну, открыл форточку и с удовольствием вдохнул свежего грозового воздуха: на улице как раз начался ливень, плотным потоком обрушившийся на землю. Сверкнуло, и через полторы секунды яростно загредел гром. Взыли сигнализации автомобилей, а в душах местных маньяков, ожидающих наступления Конца Света, затеплилась крохотная надежда на то, что в этот раз их надежды воплотятся в жизнь.

Владислав еще раз осмотрел кухню.

– Здесь никого необычного нет, – сделал он вывод. – Давай, признавайся: кого видел?

Сосед вошел в квартиру с некоторой опаской, в ответ на вопрос Владислава горестно вздохнул и с некоторым смущением признался:

– Там того... черт по кухне носился.

– Кто?! – Владислав посмотрел на соседа с таким видом, что тот бросил пустой коробок спичек на тумбочку в прихожей и пустился в путаные объяснения, не дожидаясь, пока Владислав наберет номер «Скорой помощи» и вызовет санитаров.

...Оказалось, за полчаса до возвращения Владислава с работы в доме отключили электричество, и опьяненный в процессе дегустации свежеприготовленного самогона Федор разглядел в вечернем сумраке спящего из угла в угол черта. И все бы ничего – подумаешь, одной живностью в доме больше, одной меньше, пусть даже и такой экстравагантной – но всюду стояли бутылки с приготовленным на продажу продуктом, и Федор опасался за сохранность жидкой валюты. Федор схватил тапки, прицелился и запустил в бегающего жителя посталкогольных кошмаров, но вместо рогатого попал по горлышку бутылки. Бутылка упала, жидкость полилась на пол, и каждый «бульк» зазвучал в ушах Федора колокольным звоном.

– Чтоб тебе пусто было! – с досадой воскликнул он и торопливо поднял бутылку. – Сгинь отсюда, нечистая твоя рожа!

Черт остановился, показал человеку длинный язык и пошел дальше, прокладывая себе путь прямо среди бутылок. От стекольного звона у Федора заложило уши.

– Если ты мне хоть одну бутылку разобьешь, я тебе хвост узлом завяжу! – пригрозил он, но рогатый в ответ презрительно усмехнулся и стал задевать бутылки с утроенным рвением. – Вот ты зеленая скотина! Не хочешь уйти по-доброму, уберешься по-плохому!

Федор снял с брюк ремень, свернул его пополам и максимально возможным при его опьянении твердым шагом направился к незваному гостю. Но черт проявил чудеса сноровки и ловко пробежал по открытым горлышкам наполненных самогом бутылок. Федор не решился повторить трюк: не та весовая категория. Бутылки не разобьются, конечно, но их урон на пол принесет не меньший урон ожидаемой прибыли от продажи самогонки. Да и соседи снизу не оценят разводы на потолке. Пришлось оббежать вокруг и встретить черта с распростертыми объятиями у финишной черты. Правда, черт не захотел попадать в объятия разъяренного человека – тот еще придушит своим старым ремнем, чего доброго – и поспешил обратно проторенной дорожкой. Федор выругался и, потеряв терпение, бросился следом за рогатым. Но сделанные им три шага привели к настоящей катастрофе: бутылки повалились на бок. Федор ахнул, позабыл о черте и бросился спасать свежеприготовленную жидкость, растекающуюся по полу и быстро впитывающуюся старым пыльным паласом. В обители пылевых клещей наступил «всепаласный» самогонный потоп, и многие микроорганизмы моментально приказали долго жить.

Федор прикинул, какой ущерб принесла ему неудачная охота за чертом, и сердце его облилось кровью. А неуловимый виновник квартирной катастрофы убежал на кухню и начал бегать по бутылкам уже там. Федор поспешил следом и почти поддал чертику под зад, но случилось непредвиденное: чертик привычно увернулся, а Федор пнул и уронил большую бутылку. Самогон разлился лужей приличных размеров, и Федору пришлось признать, что самостоятельно изгнать черта из квартиры ему не под силу. Первый раунд противостояния черта и алкоголика завершился явной победой нечистой силы.

– Нашел! – неожиданно возликовал черт и подхватил с пола старенькую чугунную сковородку. Глаза хвостатого загорелись красным светом. Черт пристально посмотрел на голову Федора, при этом постукивая сковородкой по раскрытой ладони, и заподозривший неладное Федор понял: если сейчас он не покинет квартиру, то получит на орехи своей собственной посудой. И от кого – существа, которое должно существовать исключительно в байках!

– Не нашел, а своровал! – поправил он черта. Страх страхом, а просто так отдавать сковородку Федор не собирался. – Положи на место, рогатая твоя башка!

– А ты отними, – предложил черт, размахивая сковородкой на манер биты. Федор искал глазами любой заменитель дубинки, но вокруг стояли только бутылки с самогом. Использовать их в качестве ударного инструмента можно, но ни одна «розочка» не сравнится в пора-

жающем действии с массивной сковородкой. Тем более, когда твой противник не обычный человек, а черт. Может, у него шкура бронебойная, и попытки пронзить ее острым стеклом будут равноценны долблению бетонной стены гороховыми зернами?

– Делать мне больше нечего, – буркнул Федор, пытаясь сохранить видимость хорошей мины при плохой игре. Равноценного оружия под руками не оказалось, поэтому Федор торопливо приподнял ополовиненную бутылку и отмахнулся от мысли сбегать за половой тряпкой, чтобы собрать вылившееся и вернуть его обратно в емкость. В другое время он так бы и поступил – покупатели ко всяким посторонним объектам вроде давленных тараканов в самогоне не особо-то и всматривались, но опасность получить удар сковородкой от черта оказалась как никогда реальной, и Федор решил не рисковать.

Не рисковать собой, разумеется. В ситуации, когда по квартире носится вооруженный чугуном черт, удобнее всего подставить под его удар чужую голову... политкорректнее говоря, обратиться за помощью к кому-нибудь из соседей. И пусть добровольные помощники самостоятельно разбираются с чертом, а Федор в знак безмерной благодарности, так и быть, отдаст спасителю целую бутылку самогонки всего за полцены. Осталось только убедить соседей в существовании черта и не забыть умолчать о чугунной сковородке в руке последнего. А еще лучше вообще ничего не говорить, а дожидаться, пока пришедший на помощь сосед самолично не увидит рогатого диверсанта. Тогда все вопросы отпадут сами собой. Плюсы: черт непременно настучит сковородкой по голове пришедшего на выручку соседа. Минус: некоторые соседи поймут, что к чему и по цепочке передадут удары черта владельцу квартиры. И хорошо, если не в двойном размере, добавив от посреднических щедрот за подставу. Соседи – они такие, им ничего хорошего и тем более плохого для других людей не жалко.

Федор выбежал из квартиры и отправился вниз по лестнице на поиски подмоги, не забывая крепко держаться за перила: в сумраке подъезда упасть на лестнице и сломать шею не составит большого труда, а среди жильцов подъезда желающих оказать первую медицинскую помощь пострадавшему алкоголику не найдется стопроцентно. Куда вероятнее, что соседи его добьют, а милиции скажут, что так и было.

К обоюдному сожалению, Федору встретился Владислав, непьющий и относящийся к злоупотребляющему выпивкой соседу по подъезду с изрядной долей неприязни. Впрочем, так к нему относились практически все жильцы, поэтому тянуть с выбором спасителей смысла не было. И Федор вцепился во Владислава мертвой хваткой.

– Так вот в чем дело... – как-то даже сочувственно протянул Владислав, возвращая сотовый телефон в нагрудный карман. – Да, тяжелый случай, согласен.

– Значит, ты мне поможешь? – с надеждой в голосе спросил Федор. Обескураженный тем, что черт не стремиться настучать по голове Владислава чугунной сковородкой, он не торопился входить в комнату, оставаясь вблизи от выхода: испугался, что черт пришел исключительно по его душу.

– А чем я сейчас, по-твоему, занимаюсь? – удивился Владислав. – Или ты думаешь, что я решил в темноте прибрать к рукам большую часть твоих алкогольных запасов?

– Нет, конечно, – соглашаясь, ответил Федор. – Стал бы я впускать в свою квартиру пьющих, да еще с заgreбушими блудливыми ручонками?

– Вот именно, – кивнул Владислав. – Но есть у меня одна проблема...

– У тебя тоже заgreбушие руки? – испугался Федор. – Вот ведь блин с котлетой... что же ты раньше не сказал?

– Не у меня руки заgreбушие, а у тебя мозги заспиртованные, – отпарировал Владислав. – Проблема в том, что я считаю черта твоим личным видением. Поэтому видишь его только ты, а мне твой черт неподконтролен.

– Ты хочешь сказать, что я – алкоголик? – возмутился Федор. – Да ты знаешь, что я тебе за такие слова...

– Для начала покажи мне живого черта, – перебил его Владислав, – и тогда я поверю, что ты пока еще не спился.

Федор сердито посмотрел на соседа и сделал шаг по направлению к залу.

– Кис-кис-кис! – позвал он черта. Вдруг отзовется?

– Мяу! – незамедлительно отозвался черт и вышел из комнаты, бесшумно шагая по полу. Федор, не ожидавший такого развития событий, на всякий случай запрыгнул на тумбу, приговаривая, что сделал это, не желая загораживать Владиславу вид на хищного представителя потусторонней жизни. На самом деле он не забывал про чугунную сковородку в руке рогатого и не желал оказаться у него на пути. – Мяу!

Владислав посветил на черта фонариком. Тот посмотрел на человека сверкающими глазами и снова мяукнул.

– Четыре лапы вижу, – сказал Владислав. – Хвост вижу, а вот копыта и рога отсутствуют. Ты точно уверен, что это – черт?

– Это не он, – растерянно ответил Федор, с удивлением рассматривая кошку, невесть как появившуюся в квартире. – Знакомая зверюга, похоже, дверью ошиблась. Она в соседней квартире живет.

– Значит, никакого черта на самом деле нет, – сделал вывод Владислав. – И все прошедшее время тебя терроризировала обычная кошка, которой ты от страха мысленно пририсовал рога и копыта?

– Этого я не говорил. Она вошла следом за нами, я уверен. – Федор открыл дверь, и кошка пулей выбежала в коридор. – Видишь, я прав: она ошиблась дверью. А черт на самом деле где-то поблизости. Верь мне, я лично его видел и слышал.

– А я думаю, что ты все-таки начал видеть нечто, обычными смертными не замечаемое – алкогольные миражи, – Владислав начал ощущать, как голова слегка заходила кругом от концентрации спиртовых паров. Пора закругляться, но как сделать это побыстрее, Владислав еще не придумал.

На Федора слова Владислава произвели неожиданный эффект.

– Хочешь сказать, что я теперь – избранный? – в голосе соседа прозвучали нотки гордости за не бесцельно прожитую жизнь. – Я знал, что рано или поздно, но это время настанет, и я...

– Уймись, – воскликнул Владислав. – А то услышат тебя охотники за избранными, поймают и люлей навешают за всё хорошее...

– А у нас и такие есть?

– А как же? – уверенно заявил Владислав. – Люди в белых халатах – разве ты о них не слышал? Тогда знай: едва ты заявишь о собственной избранности, как эти люди приедут и отвезут к твоим коллегам, таким же избранным и непризнанным, как и ты. И будете вы жить в неприметном здании на краю города, радоваться жизни среди берез и сосен и с гордостью носить фирменную рубашку с длинными рукавами. И, конечно, проходить интенсивный курс по избавлению от избранности.

– Я не хочу, – сказал Федор. – Мне и в родной квартире хорошо живется.

– Извини, но здесь я тебе ничем помочь не могу.

– И что прикажешь делать? – спросил Федор.

– Есть два варианта, – ответил Владислав. Он подумал сесть на табуретку, но вовремя посветил на нее фонариком и увидел, что там и так хватает сидельцев – рыжих и усарых паразитов. Сядешь на них – потом костюм от кучи мокрых пятен не отстираешь. – Слушай, а посуда от тебя еще не пыталась сбежать вместе с остальной кухонной утварью под звуки боевого марша из «Звездных войн»?

– Извини, – не понял Федор. Владислав махнул рукой: сосед исхитрился за всю жизнь ни разу не увидеть мультфильм «Федорино горе». Или не признается, потому что стыдно за разведенный бардак в квартире.

– Короче, дело к ночи, – сказал Владислав. – Первый вариант: сейчас ты объявляешь перемирие с чертом и ложишься спать. А утром, когда взойдет солнце, черт сам увидит, по какой помойке бегаёт, ужаснется и покинет твою грязную обитель.

– А если не покинет?

– Тогда второй вариант: ничего не останется делать, как позвонить в соответствующую службу и сообщить о бегающих по квартире чертях, и к тебе моментально примчат профессионалы по части избавления людей от рогатых собутыльников, и ты целый месяц проведешь в больничной чистоте и медицинском порядке! А для твоего измученного сам знаешь чем организма это самое лучшее, что может случиться в его бесцельном существовании.

– Ты мне не веришь, – укоризненно заявил Федор. – Не веришь, да?

– Почему не верю? – не согласился Владислав. – Очень даже верю. Но как я уже говорил, черта видишь только ты.

– А ты выпей как я, и тоже увидишь, – без особой надежды на положительный ответ предложил Федор.

– Еще чего, – отрезал Владислав и направился к выходу: в памяти всплыли воспоминания о свежем борще, и желудок моментально отозвался глухим урчанием. Но в этот момент стоявшие под кухонным столом бутылки зазвенели. Владислав и Федор вздрогнули, но сосед еще и возликовал:

– Слышал? – воскликнул он. – Вот теперь это точно черт! Он на самом деле существует и прячется среди моих бутылок!

– Ха! – ответил Владислав, – Это тараканы среди бутылок копошатся: у них сушняк каждый раз, когда ты самогонку варишь.

– У тараканов? – опешил Федор и удивленно посмотрел на соседа.

– А тебя еще и клопы есть? – ахнул Владислав. – Слушай, Федор, прими добрый совет: купи отраву и избавь свое жилье от этих паразитов. Не ровен час, при твоем демократическом, в смысле – попустительском – к ним отношении они совсем страх потеряют и выпьют из тебя всю кровь. Доказывай потом милиции, что это не какие-нибудь отморозки-каннибалы, а обычные комары и клопы использовали тебя в качестве закуски к твоему же самогону, и малость перестарались.

– Да у этих шестилапых не бывает головной боли! – воскликнул Федор. – У них и головы как таковой толком нет. Одни усы из туловища растут.

Владислав в ответ покачал указательным пальцем и посветил фонариком на раковину. Там, на дне, ползали изможденные тараканы. Большая часть столпилась вокруг капелек воды и не отходила от них ни на шаг, редко покачивая усиками. Дальние ряды старались протиснуться по первым, но далеко не всегда успешно. Владислав открыл горячую воду, и сильный поток смыл тараканов в канализацию. И только сейчас Владислав понял, почему в раковине нет грязной посуды: Федор не обременял себя мытьем, а покупал одноразовые пластиковые тарелки и вилки-ложки. Куча использованной посуды с остатками еды лежала в ведре, и по ней нещадно топтались и копошились знакомые рыжие насекомые.

– Конец просто... Куда я попал? – пробормотал он, поражаясь тому, что некоторые люди используют современные технологии и комфорт только для того, лишь бы побыстрее деградировать и вернуться в первобытное состояние дикости и бескультурия.

Странно, что в квартире Федора до сих пор не завелись мухи, при таких-то идеальных условиях. Разве что сами тараканы их убили, не желая делить райский паразитический уголок с конкурентами. Воображение услужливо предоставило Владиславу эпическую картину сражений тараканов и мух со взрывами, бомбометаниями, крушениями мебели и звоном разбивае-

мого стекла, и Владислав понял, что начинает пьянеть – никогда ранее сумасшедшие видения ему в голову не приходили. Пора ускорять ход событий, пока не стало слишком поздно.

– К твоему сведению, мистер Всезнайка, – сказал он, – я почти каждое утро вижу у капелек воды в своей ванной и раковине по два-три упившихся до смерти таракана. А уж когда на ночь обрызгиваю ванную дихлофосом – или как эти средства от тараканов сейчас называются? – то утром на ее дне обнаруживаю целый ковер из усатых задохликов. Точно таких, как эти, которые сейчас плывут по темному тоннелю навстречу канализационному выходу к новой жизни.

– А я тут причем? – негодуя ответил сосед. – Я с тараканами на брудершafft не пью.

– Еще бы ты с ними пил, – заметил Владислав, – тебя тогда в психушку на два пожизненных курса лечения забрали бы. Тараканы сами напиваются.

– А кто сказал, что тараканы в твоей квартире – мои? – возразил сосед, не желая навешивать на себя лишних собак. И без того навешано сверх всякой меры.

– А все говорят, – обрадовал Владислав. – Учти, кроме твоей квартиры, тараканов больше нигде в доме не разводят. Следовательно, к нам они приползают именно от тебя. Видишь, какую помойку у себя развел, даже насекомым тошно от такой жизни!

– Зато мои тараканы первыми сумеют понять загадочную русскую душу и даже прочесть Достоевского, – огрызнулся Федор. Аргумент заставил Владислава на короткое время потерять дар речи. На такой ответ и возразить нечего, настолько он совершенен и ненормален одновременно. Федор угрюмо посмотрел на соседа, но ничего не сказал, считая ниже своего достоинства обсуждать проблемы чистоты в квартире и негативного отношения к ней насекомых-паразитов и всяких там соседей по подъезду: развелось, понимаешь, критиков, что среди первых, что среди вторых. Но первых хотя бы тапчочком можно прихлопнуть, а вторые при аналогичной попытке заставить их замолчать могут так кулаком вдарить по физиономии, что зубов не досчитаешься.

Владислав представил, как просыпается среди ночи, идет на кухню глотнуть воды и видит в коридоре отряд тараканов с топориками в передних лапках, обсуждающих важный и животрепещущий вопрос: твари ли они дрожащие, или право имеют? А перед ними лежат тапки, которыми этих тараканов, собственно говоря, и давили, и вокруг действия над которыми спор и идет.

– Так, мне точно пора, – пробормотал он, в последний раз посветил фонариком на бутылки и заметил крохотный комочек, юркнувший между прикрытыми грязным полотенцем пустыми бутылками. Раздался бутылочный звон.

– Мышь, – коротко сказал он. – Еще лучше...

– Лучше чего? – не понял сосед.

– У тебя завелась мышь, – повторил Владислав. – Отбой тревоги: черти тебя еще не беспокоят. Но с самогоном заканчивай, иначе последние мозги потеряешь. Всё, дело сделано, я пошел!

Он развернулся и зашагал к выходу. Борщ стоял перед глазами, как настоящий, и Владислав терял терпение. Желудок уже не просто урчал, а пытался имитировать звуки извержения вулкана.

– А у тебя, случаем, мышеловки нет? – поинтересовался Федор.

– Купи в магазине, – посоветовал тот. – Говорят, есть отличные модели. Глядишь, еще и своего черта за хвост поймашь.

– Это дорого... – посетовал Федор, шагая следом за Владиславом.

– А мне-то что? – спросил Владислав, напоследок заглядывая в комнату и убеждаясь, что никакими чертями тут и не пахнет. Он сделал шаг в сторону выхода, но неожиданно споткнулся о какой-то провод. В падении он попытался ухватиться хоть за что-нибудь, лишь бы не оказаться на одном полу с полчищами тараканов. Фонарик вылетел из его руки, упал где-то и

погас, а в глазах Владислава засверкали ярко-желтые огоньки: при падении он ударился головой о тумбочку в прихожей. Одновременно с этим в доме включили электричество. С кухни донесся гул заработавшего холодильника, в коридоре загорелись лампочки, из-за чего Владиславу показалось, будто весь мир взорвался огнями. Но в последний миг перед столкновением он почувствовал, что ухватился за какую-то веревочку с кисточкой на конце, хотя никакой пользы это не принесло и от падения не спасло.

Федор вежливо проигнорировал его витиеватые комментарии по поводу разбросанных проводов, тумбочек и пьяного владельца квартиры, но отдал должное богатой фантазии Владислава: сам он до подобных сравнений и эпитетов в жизни бы не додумался, ведь во всей речи не прозвучало ни единого матерного слова.

– Представляешь, – воскликнул он, – только ты упал, как свет включили. А я подумал – ничего себе, какие яркие искры у тебя из глаз посыпались!

– Еще слово, и я узнаю, какие искры посыплются из тебя, – проклинавший всё и вся за недальновидное решение помочь соседу, Владислав прижал руку к голове и открыл глаза. Потрясение от увиденного оказалось настолько великим, что в следующий миг Владислав напрочь забыл как о боли, так и о приличном чувстве голода.

Прямо перед ним, на старенькой тумбочке, давно уже просившейся на свалку (или уже отпросившейся у прежних владельцев, но перехваченной юрким соседом), стоял самый настоящий зеленый черт. Точно такой, каким его представляли авторы сатирических рисунков. Невысокий – сантиметров пятьдесят, не больше. Худощавый в меру, глаза горят красными огоньками, напоминающими пламя костра, и хвост – сантиметров двадцать, по толщине такой же, как у кошек, но с пушистой кисточкой на конце. Владислав отметил, что веревка, за которую он ухватился при падении, по ощущениям весьма и весьма напоминала этот самый хвост... да и черт, в подтверждение догадки, крайне злобно смотрел на Владислава, придерживая хвост одной рукой и осторожно его поглаживая другой. Традиционные копыта на ногах плюс легкие никелированные подковы, выступающие в роли заменителя сандалий. Довольно острые на вид рога пяти-шести сантиметров в высоту, росли вертикально и выглядели из копны взъерошенных темных волос. Зубы такие же острые, как и рога, но не настолько длинные.

«Я, что, на самом деле схватил его за хвост при падении? – растерянно подумал Владислав, оборачиваясь, чтобы понять, где находился черт до приземления на тумбочку, и сталкиваясь взглядом с не на шутку встревоженным соседом. Судя по траектории падения и моменту, когда чертячий хвост попался под руки, получается, что черт все это время сидел на шее Федора и наверняка подхихикивал, наблюдая за развитием событий. – Только бы он не вздумал кусаться... Как я потом объясню врачам, следы зубов какого зверя они видят? Да еще неизвестно, чем он болеет, этот рогатый подковоносец? Не ровен час, заразит каким-нибудь чертячьим бешенством или адским энцефалитом – в жизни потом не излечусь и не избавлюсь от последствий».

Но черт неожиданно быстро успокоился, отпустил хвост, свесил ножки с тумбочки и закачал ими, постукивая копытами с подковами по некогда лакированной поверхности. У Владислава создавалось впечатление, что перед ним сидит ребенок. Но первое впечатление может быть обманчивым, и потому делать поспешные выводы он не стал.

Злость на Федора улетучилась вместе с болью, сменившись диким любопытством, смешанным с изрядной долей страха: до сих пор зеленых чертей наяву видели исключительно алкоголики с большим стажем. Владислав себя к таковым не относил, поэтому черти могли привидеться ему исключительно в одном случае: он все-таки надышался воздухом, пропитанным алкогольными парами до максимально возможной концентрации, и психика этого не выдержала.

– Ну, все, туши свет... – пробормотал Владислав.

Черт уловил его взгляд, растянул рот до ушей и высунул язык. Владислава пробил холодный пот: острых зубов оказалось даже больше, чем он думал. Черт с такими челюстями мог запросто перегрызть ствол векового дерева.

– Тебе в темноте лучше видно? – удивился Федор.

Владислав повернулся к нему и указал на подхихикивающего хвостатого хулигана.

– Ты видишь его?

Федор посмотрел в указанном направлении и недоуменно пожал плечами:

– Вижу, – ответил он и уточнил. – Но вообще-то, не его, а её. А что?

Владислав посмотрел на черта повнимательнее, но не обнаружил ничего, что говорило о принадлежности последнего к женской половине чертячьего рода. Даже одежда черта – брюки и футболка с надписью на неизвестном Владиславу языке – были вполне мужскими. Но, по идее, женская половина чертячьего общества не принадлежала к млекопитающим, и потому должна выглядеть так же, как и мужская – ведь черти, согласно религиозным канонам являются падшими ангелами, и потому бесполы. Но женская половина чертячьего народа все же существовала, что доказывалось фразой «катись к чертовой матери или бабушке».

Сам чертик тоже недоуменно посмотрел на Федора, а затем на всякий случай подскочил и всмотрелся в старое зеркало, висевшее над тумбочкой. Увидел свою физиономию и расплылся в довольной улыбке: никаких изменений с его организмом за прошедшее с прошлого разглядывания себя в зеркале не произошло.

– Так вы знакомы? – удивился Владислав. – Что же ты мне голову морочишь!

– С тумбой? – переспросил растерявшийся Федор. – Да как сказать... уже много лет я вижу эту тумбочку утром, днем и вечером. А иногда даже ночью.

– Сдалась мне твоя тумба! – раздосадовано воскликнул Владислав. – Разве ты не видишь, что на ней стоит черт и всматривается в собственное отражение?

Федор перевел испуганный взгляд с пустующей тумбочки на поднимавшегося соседа.

– Нет там никого, – ответил он.

– Как это, нет? – возмутился Владислав. – А это тогда что?

Он протянул руку к черту, намереваясь схватить рогатого нахалёнка, но тот показал длинный язык, высоко подпрыгнул и ловко уселся на прикрепленном к стене плафоне. Помахал ножками, прищипорил лампочку и снова показал Владиславу длинный язык, мол, фиг доставнешь! Вот только не учел одно обстоятельство: плафон оказался гораздо старше тумбочки, и любой вес, превышающий вес лампочки, мог вызвать в нем необратимые изменения. Что и произошло: черная пластмасса треснула под весом черта, плафон накренился и упал на пол, разбившись на крупные осколки при столкновении с тумбочкой.

Ликование на лице черта сменилось удивлением, переходящим в непонимание, он замахал руками и полетел вслед за плафоном на грязный пол. Но в прыжке ловко развернулся и исхитрился приземлиться на все четыре конечности, словно кошка.

Владислав отскочил, а черт посмотрел на него укоризненным взглядом.

– Это из-за тебя поломка случилась, – сказал он, – тебе плафон и восстанавливать.

– Нечего было взгромождаться на него, как на коня! – отпарировал Владислав. – Ничего бы и не сломалось.

– Какого коня? – окончательно растерялся Федор. – Ты о чем?!

Владислав уставился на Федора таким взглядом, что тот непроизвольно сделал шаг назад и зацепил ногой пустую бутылку. Емкость зазвенела, Федор остановился и посмотрел под ноги. Увидел, что едва не наступил на кучку выставленных перед входом в комнату бутылок, и резко остановился.

– Хочешь сказать, что сейчас, когда стало светло, как в рабочий полдень, ты наконец-то перестал видеть донимавших тебя чертей? – воскликнул Владислав, как бы незаметно отодвигая ногой осколки плафона под тумбочку. – И наш с ним разговор ты не слышишь?

Федор посмотрел на Владислава совершенно перепуганным взглядом.

– Ты знаешь, что... – протянул он. – Это...

– Ты его не видишь?! – повторил Владислав.

– Нет, – признался Федор. Говорить о том, что он видит черта, только чтобы успокоить переволновавшегося соседа, ему не хотелось. Еще начнет обсуждать вид и поведение этого невидимого существа, и тогда совсем плохо будет: ошибись в описании хоть на чуть-чуть – Владислав в запале еще и кулаком по лицу ударит, и доказывай потом, что не ты верблюд, а кое-кто другой близ стоящий.

– Ты надо мной издеваешься? – угрожающе прорычал Владислав, и Федор понял: мордобитие наступит с секунды на секунду. Пора срочно принимать меры, иначе этот буйный разгромит все бутылки в квартире и устроит самогонный потоп соседей в нижней квартире. Спасибо за это Владиславу не скажет никто, даже те соседи, которые ненавидят Федора больше остальных в подъезде.

– Тихо-тихо-тихо! – успокаивающе произнес Федор. – Все хорошо, не нужно паниковать.

– А кто тут паникует?! – вопросом на вопрос ответил Владислав. – Если мое желание набить тебе пьяную морду – это паника, то что тогда считать яростью?!

– Ничего не считать! – торопливо ответил Федор. – Слушай, Влад! Ты... того... этого...

– Чего, того? – Владислав сузил глаза. – Ты на что намекаешь, хитрая твоя физиономия? Что я сошел с ума?

Федор замахал руками.

– Не-не! Я не в смысле, что ты того... я... э-э-э... я хочу сказать: спасибо, что помог мне обнаружить мышь на кухне! Я теперь до самой смерти тебя благодарить буду! – затараторил он. – А теперь иди домой, Влад, Христом-богом прошу! И, главное, не переживай на счет плафона. Веришь – он давно уже на соплях висел, я все ждал – да когда же он грохнется-то, окаянный? Иди, Влад, иди, отдохни после работы, приляжь на диван...

– Приляг, – автоматически исправил ошибку Владислав. Он позволил соседу пройти к захлопнувшейся двери и открыть ее.

– Не придирайся, – тем же вежливым голосом сказал сосед. – Я академиев не кончал, мне можно. Иди, ни о чем не переживай! Вспомни: дома мягкий диван... большой телевизор... куча хороших программ... жена с ужином... дети, наконец, с дневниками и ремнем... Или сейчас летние каникулы?... Неважно. Тебе надо прилечь, Влад. Я же вижу, что ты сегодня лишку переработал...

Черт помахал Владиславу рукой, традиционно высунул язык и юркнул в стену, не оставив после себя никаких следов.

– Гад ползучий, – пробормотал Владислав.

– Что? – не расслышал Федор.

– Я говорю: значит, не видишь, – сделал вывод Владислав.

– Я еще не допился до такой степени, – вырвалось у Федора.

– А я, по-твоему, допился?

– Ты надыхался, – торопливо уточнил Федор. – Извини. Если бы знал, что так быстро пьянеешь, то заранее открыл бы форточку, балкон, да и все окна распахнул бы настежь. И еще вентилятор включил бы.

– Значит, по-твоему, я пьяный?

– Конечно! – кивнул головой Федор. – Сам смотри: уже буяннить начинаешь. Того и гляди, в глаз дашь.

– А кстати, да, – заметил Владислав. – Хорошая идея!

– Идея великолепная, – поддержал его Федор, опасаясь перечить неожиданно ставшему буйным соседу. – Но не сейчас! Это потом.

– А когда? – повысил голос Владислав. Желание воплотить задуманное в жизнь, вопреки мирному характеру и легкому пофигизму, становилось все сильнее и сильнее.

– Когда-нибудь со свежими силами и на трезвую голову! – предложил свой вариант сосед. – А пока что иди! Иди и не беспокойся, всё путем...

– Уверен?

– Абсолютно! – вежливо приговаривающий Федор выпроводил Владислава на площадку, закрыл за ним дверь и, прижавшись к ней спиной, облегченно вытер пот со лба. – Ух... Чуть квартиру вдребезги не разнес! Развелось же слабаков – еще не выпил ни грамма, а уже в драку лезет!

Выдворенный в коридор Владислав первым делом проверил, нет ли рядом черта, облегченно выдохнул: наконец-то покинул «алкогольную» квартиру, и осторожно дотронулся до шишки на лбу. Боль по-прежнему не ощущалась, что не могло не радовать. Вот только шишка, судя по всему, должна была пройти лишь к концу недели. И потом о случившемся столкновении с настоящим чертом будет напоминать разве что изредка попадающийся на пути пьяный сосед, да тараканы, то и дело отправляющиеся из квартиры Федора исследовать окрестные помещения с целью последующего переезда.

«Но почему черта увидел именно я? – пронеслась в голове назойливая мысль. – Непьющие не должны видеть таких тварей нигде, кроме телевизора. Мне и так проблем хватает!».

Он зашагал по лестнице на свой этаж, и только добравшись до квартиры и вставив ключ в замок, сообразил, что мог спокойно проехать на лифте. Хлопнув себя по лбу за рассеянность, Владислав взвыл: ладонь попала по шишке, и в глазах снова взорвался разноцветный фейерверк. И наконец-то появилась боль.

«Чтоб ты треснул со своим самогоном!» – в сердцах подумал Владислав, ругаясь сквозь зубы и открывая дверь. В квартире оказалось тихо: жена еще не пришла с работы, а дети уже куда-то ушли. Тем проще: не придется объяснять, почему у него на лбу шишка, и почему от него же несет самогоном, как от заправского алкоголика, а на костюме виднеются мокрые места от раздавленных при падении тараканов?

Владислав привычно дотронулся до выключателя, включил свет и застыл, увидев на трюмо давешнего черта. Тот сидел, привычно свесив ножки, и молчал, скрестив руки на груди. На вид – задумавшийся о жизни начинающий философ, а не сопутствующее продолжительным алкогольным возлияниям явление потусторонней жизни.

– Ты к кому? – спросил Владислав.

– К тебе, – прозвучал ответ. – Дело есть.

Владислав сглотнул и захлопнул дверь.

Не каждый день к Владиславу приходили с деловыми предложениями черти. Более того, даже люди не особо торопились обсудить с ним свои деловые планы на будущее, так же как и сам Владислав не собирался рассказывать первому встречному о том, что придумал, и как эта идея доведет его до счастливой жизни. Поэтому несколько секунд прошли в полном молчании и бездействии. Затем Владислав пришел к выводу, что стояние столбом пользы не принесет – только ноги еще больше устанут, – и доведенными до автоматизма движениями снял туфли. Пиджак прямым рейсом отправился в стиральную машину – оставшиеся на нем мокрые пятна от раздавленных тараканов счастья не прибавляли. Да и сами тараканы, не ожидавшие варварской агрессии от упавшего на них Владислава, вряд ли обрадовались тому, что превращаются в мокрое место.

Черт пристально наблюдал за его действиями и молчал, то ли не зная, с чего начать разговор, то ли ожидая от Владислава первого шага в беседе. Но Владислава меньше всего интересовали мысли черта. Он собирался подогреть борщ и съесть его, даже если в этот момент в квартиру ворвется шумная толпа правозащитников, чтобы обвинить его в уничтожении без-

обидных уса́тых тараканов и попутно освободить холодильник от подлой оккупации продуктами. Показушно равнодушное отношение Владислава к живому представителю потусторонних сил – он прошел на кухню, посмотрев на черта, как на пустое место – могло обидеть последнего, но черт не подавал признаков недовольства.

Переливая борщ из большой кастрюли в маленькую и ставя ее на плиту, Владислав задумался: стоит ли игнорировать черта дальше, или все-таки поинтересоваться, какого, так сказать, себя, тот приперся в гости? А то, не ровен час, ему в чистой квартире понравится гораздо больше, чем у Федора, и черт примет решение поселиться здесь новым членом семьи. Он ведь явно не просто так объявился и нахально, практически на правах владельца, взгромоздился на мебель в коридоре.

«Выгнать его вряд ли получится, – размышлял он. Мучения в квартире Федора служили тому наглядным примером. – Да и как его изгнать, если он в руки не дается, да еще и норовит что-нибудь уронить и разбить? А если родные вернутся, пока я бегать за ним буду, что тогда?»

В таком случае проблема окажется намного серьезнее, ведь преследование невидимого родственниками существа произведет на них по-настоящему незабываемое впечатление. Того и гляди, перепуганные жена и дети вызовут санитаров и отправят главу семьи отдыхать в желтый дом до тех пор, пока черти не перестанут попадаться ему на глаза. А когда наступит этот счастливый момент, сказать сложно: прецедентов в жизни Владислава еще не было. Оставалось надеяться, что черт перестанет быть видимым хотя бы к завтрашнему утру.

«А то на самом деле отвезут в дурдом и продержат там до самой пенсии, пытаюсь излечить от алкоголизма абсолютного трезвенника... Правда, всем известно, что врачи обладают своеобразным чувством юмора, и ради лечения от алкоголизма не остановятся ни перед чем, даже перед спаиванием пациента, чтобы процесс лечения не выглядел неоправданным. Так что, ну его к лешему, этого черта».

Приняв твердое решение проигнорировать потустороннее существо, Владислав поставил кастрюлю с борщом греться на огне, а сам с крайне независимым видом прошел мимо черта в комнату. Но тому уже надоело играть в молчанку, и он дернул Владислава за рубашку.

– И снова здравствуйте! – радостным голосом сказал черт.

Владислав сделал вид, что ничего не заметил, сел на диван и включил телевизор.

Черт соскочил с трюмо и встал между Владиславом и телевизором, пытаясь помешать просмотру вечерних новостей. Но телевизор находился на тумбочке метровой высоты, и невысокий черт с тем же успехом мог бы закрыть собой вид на египетские пирамиды перед огромной толпой высоченных туристов. Правда, с туристами этот номер прошел бы на ура – ведь они раньше не видели живых чертей, а пирамиды – штука такая, что простоит еще не одно тысячелетие, и от глаз не скроется ни днем, ни ночью.

– Привет, – повторил черт.

Владислав молча переключил канал: криминальные новости давно уже вызывали в нем смертную тоску. Он много лет мечтал снова посмотреть о том, как люди радуются жизни и строят светлое будущее, а не занимаются смертоубийствами на радость желтой прессе и сварливым бабкам, готовым перемывать косточки всему существу сутками напролет. Но следующий канал показывал фильм, в котором злобные инопланетные твари покоряли Землю, и Владислав тоскливо вздохнул: похоже, теперь во всей вселенной пользуются популярностью исключительно секс и насилие, преподнесенные в упаковке из компьютерных спецэффектов.

Черт понял, что недооценил собственный рост, поэтому резво вскарабкался на тумбу и встал перед кинескопом, широко раскинув руки и ухватившись за край телевизора, чтобы не упасть.

– Привет! – повторил он упрямо, закрывая собой изображение. Владислав молчал, и черт перешел на личности. – Ну, чего молчишь, как партизан на допросе? Принести тебе учебник по матчасти? А? Владислав упорно молчал, переключая каналы и не понимая, почему при

современном телеизобилии увеличивается не количество увлекательных программ, а объем рекламы. Черт не унимался: – Ты, что, голос потерял от неожиданности? – вопрошал он, надеясь вывести Владислава из себя и заставить его сказать хоть что-то в ответ, пусть даже обычное ругательство. Его план был прост: слово за слово, и беседа начнется, желает того Владислав или нет. И пусть поначалу будет стоять мат на мате, но минут через десять запас матерных слов подойдет к концу, и Владиславу не останется ничего иного, как перейти на нормальную речь. – Или ты стесняешься? Так ты не бойся – я не кусаюсь до поры до времени. Владислав выплюнул изо рта обломок спички, поднял ее и задумался, вспоминая, когда успел сунуть спичку в рот. Как подсказала память, спичка должна была зажечь газ под кастрюлькой, но почему-то оказалась между зубов. А кастрюлька, судя по всему, осталась стоять на холодной плите, обдуваемая снизу потоком пропан-бутановой смеси. Взрывоопасной смеси, между прочим. Перед глазами появилось изображение разрушенного дома, злобных соседей и буянящего Федора, потерявшего при взрыве все свое самогонное состояние.

– Чтоб тебе пусто было, – воскликнул Владислав и почти уже вскочил, как черт сделал широкий жест рукой и щелкнул пальцами.

– Не увиливай от беседы, – сказал он после того, как выскочившая из-под его пальцев крошечная шаровая молния улетела на кухню. Громкий хлопок оттуда показал, что газ зажегся, и что борщ все-таки подогреется, если, конечно, кастрюлю не сбросило с плиты взрывной волной. – Сначала давай поговорим, еда никуда не убежит.

– Угу, – согласился Владислав. – Бульон выкипит и прольется дождем на оставшуюся в кастрюле и основательно подгоревшую гущу. То есть, погасит сам себя. Ты будешь есть эту гадость?

– Нет, – помедлив, ответил черт.

– Я тоже, – сказал Владислав. – Поэтому ухожу на кухню прямо сейчас, а ты можешь подождать, если тебя интересуют развернутые и подробные ответы, а не короткие и емкие матерные фразы.

Черт укоризненно покачал головой, но удерживать Владислава не стал. Только намекнул:

– Да будет тебе известно, изголодавшее человечище, что я – крайне упорная личность. Пока не поговоришь со мной, буду вечно путаться под ногами и мешать подносить ко рту вилку-ложку-поварешку. Не будь таким злобным, тебе как будто пару слов для меня из себя выдавить жалко.

– Значит, ты все-таки намерен выслушать мой словарный запас матерных слов и выражений, – сделал вывод Владислав. –

Владислав вздохнул: лучше поговорить, иначе на самом деле не отстанет.

– Ну, хорошо, – осторожно сказал он. – Только быстро, а то борщ подгорит, и тогда его не я съем, а ты.

– Ради беседы с трезвенником я готов съесть все, что угодно! – воскликнул возликовавший черт. – Только соусом полить, и – порядок. Ты не поверишь, как я рад, что ты на самом деле меня видишь!

Он эмоционально взмахнул руками и потерял равновесие. Замахав руками, словно пытаясь взлететь к потолку, черт упал на пол и ударился пяточком о новый палас. Владислав услышал короткий возглас на неизвестном языке и немедленно запомнил фразу. Не специально, оно само собой получилось: прежде чертячи ругательства, выданные эксклюзивно первоисточником, а не пересказанные разного рода заклинателями духов и разного рода контактерами, Владиславу слышать не доводилось.

– А ты в этом сомневался, когда разговаривал со мной в квартире Федора? – изумился Владислав.

– Я думал, что ты – моя галлюцинация, – признался черт, почему-то не отрывая взгляд от пола под диваном. Владислава пробило на нервный смех.

– Дожили: галлюцинации считают людей видениями! – прокомментировал он слова черта. – И поэтому ты пришел сюда, чтобы расставить все точки над «и»?

– Именно.

– Отлично, – сказал Владислав. – И раз уж мы разобрались с этим сложным вопросом, и мы с тобой убедились, что не кажемся друг другу, предлагаю тебе вернуться в квартиру Федора. Это он – твой подопечный, поэтому не отлынивай от своих основных обязанностей и продолжай ему мерещиться, пока он окончательно не сопьется или не решит завязать. А мне ни к чему счастье лицезреть твою скорбную физиономию, я не попадаю под вашу юрисдикцию... Хотя нет, погоди минуту. Перед уходом сделай доброе дело: объясни, почему я тебя вижу?

Черт встал и демонстративно отряхнулся, хотя на паласе не было ни пылинки.

– Можно подумать, в квартире Федора прямо-таки стерильная чистота, – проворчал Владислав.

Черт сверзил глаза в кучу, молча дотронулся до пяточка и убедился, что с тем все в порядке, и из него не идет кровь. Облегченно вздохнул и перевел взгляд на человека.

– Извини, но я не могу ответить на твой вопрос, – сказал он.

– Это военный секрет, или ты решил поторговаться? – предположил Владислав. – Учти, моя душа не покупается и не продается. Максимум, что я могу тебе предложить – душу Федора, он ее с удовольствием обменяет на самогонный аппарат, способный производить спирт прямо из воздуха.

Черт хихикнул.

– Извини, но купля-продажа душ – это не мое, – сказал он, вспоминая одного черта, который занимался подобными делишками. Бизнес последнего давно уже не приносил прежних, средневековых дивидендов. Люди с тех пор обленились фантазировать и массово загадывали желания, выполнение которых не приносило черту никакого удовольствия от процесса: «хочу много денег, власти и славы!». После того, как сотый человек решил продать свою душу в обмен на деньги, черт окончательно потерял интерес к покупке душ, и теперь пребывал в пессимистичном настроении, не зная, чем заняться. – И твоя душа мне не нужна. Я занимаюсь другими делами.

– Доводишь алкоголиков до сумасшествия?

– И это тоже, – согласился черт. – А на твой вопрос я не могу ответить, потому что и сам не пойму, в честь чего ты стал меня видеть? – признался он. – Раньше от меня шарахались владельцы синюшных физиономий, а нормальные люди смотрели сквозь, словно я на самом деле не существую.

– А вдруг они правы? – предположил Владислав. – И тебя на самом деле нет?

– Тогда почему ты меня видишь? – возразил черт.

– Потому что ты – крайне назойливый алкогольный мираж, – пояснил Владислав. – Практически, массовая галлюцинация. Не представляю даже, сколько надо было Федору выпить, чтобы даже трезвые соседи видели всякую чертовщину? А вообще, черт с ним. Не нужен мне ответ на этот вопрос. Просто исчезни и не трави душу.

– Ну, уж нет! – запротестовал черт. – Теперь, пока не найду ответ – не отойду от тебя ни на шаг.

Владислав чертыхнулся: спросил на свою голову.

– А если я не выдержу и пну тебя ботинком? – спросил он, желая поскорее избавиться от назойливой галлюцинации.

– Тогда я тебя укушу, – ответил черт, не намереваясь уходить в самом начале расследования. – И несмотря на то, что я в твоём понимании – галлюцинация, укус окажется весьма болезненным. Как говорил великий фантаст Роберт Шекли, ты не веришь в галлюцинации, но в них верит твое подсознание.

Владислав сменил гнев на уговоры: не хватало еще стать жертвой нападения несуществующих чертей, цитирующих и наверняка читающих знаменитых фантастов.

– Ты знаешь, – сказал он, – а ведь на свете есть вопросы, ответ на которые отыскать прямо таки невозможно. Смирись.

Черт отрицательно покачал головой.

– Никогда! – объявил он, – И у меня есть к тебе предложение: давай вместе отыщем ответ на этот вопрос. Одна голова хорошо, а две – лучше.

– Искать ответ вместе с чужой галлюцинацией? – изумился Владислав. – Как на меня люди будут смотреть?

– А что тебя беспокоит?

– Ты. Я неуютно себя чувствую в присутствии несуществующих организмов.

– То есть, я тебя нервирую? – поинтересовался черт.

– Есть маленько, – признался Владислав. – Твое присутствие наводит меня на мысль о съехавшей в неизвестность крыше. Не хочу ощущать себя сумасшедшим.

Черт скрестил руки на груди.

– Тебе важнее докопаться до истины и больше не чувствовать себя рехнувшимся или годами доказывать мне невозможность моего же существования в желтом доме? – резонно заметил он. – Суди сам: если докопаемся до сути – в дальнейшем ты сумеешь избежать встреч с какими бы то ни было видениями и привидениями. Особенно с зелеными, рогатыми и нахальными вроде меня.

Владислав призадумался: в принципе, черт прав. Но как-то не по себе становится от мысли, что заниматься поисками ответа придется под командованием или при поддержке алкогольного миража. С другой стороны, альтернативы нет, а докопаться до истины тоже хочется.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Будем считать, что ты меня убедил, и мы начинаем искать ответ на этот сложный вопрос. Но у меня есть одно условие: как только мы находим ответ, ты исчезаешь из моей жизни и возвращаешься пудрить мозги Федору. Договорились?

– Не проблема, – согласился черт.

– Тогда начнем, – сказал Владислав.

– Момент! – черт подскочил к журнальному столику и схватил оставленный младшим сыном блокнот. Быстро перелистал его в поисках чистых страниц, подхватил гелевую ручку и приступил к допросу.

– Итак, – сказал он. – Признавайся: что ты пил в последний раз?

На этот вопрос Владислав мог ответить даже спросонья в три часа ночи: на работе он пил только кофе, а дома еще не успел сделать ни одного глотка даже обычной воды.

– Ага... – глубокомысленно произнес черт, услышав лаконичный ответ. Он что-то записал в блокноте и посмотрел на Владислава с победным видом. – С коньяком! Правильно? В какой пропорции, признавайся!

Владислав выпятил грудь с и гордостью сказал:

– Ложка кофе на бутылку коньяка!

Черт застыл от изумления, ручка выпала из его рук и укатилась под диван.

– Серьезно? – ахнул он. – Мощь! Уважаю.

Владислав укоризненно покачал головой.

– Я пью кофе только с горячей водой, – уточнил он. – Какой коньяк, если я крепче кефира отродясь ничего не пил?

Черт посмотрел на него с таким видом, словно Владислав признался, что до сих пор пьет молоко из бутылочки с соской.

– Антиалкогольный маньяк, – буркнул черт и попытался перечеркнуть написанный на бумаге вывод. Надпись не перечеркивалась, и черт с непониманием уставился на ручку, после чего обнаружил, что ее нет. – Момент, а где ручка?

– Упала на пол, – мрачным голосом сказал Владислав.

Черт кашлянул, наклонился и подхватил ручку.

– Пылищи-то сколько у тебя там скопилось, – не преминул заметить он. – Небось, с тех пор, как поставили на это место диван, так под ним и не подметали?

Владислав удивленно приподнял брови и заглянул под диван.

– Ё к л м н! – воскликнул он, увидев слой пыли толщиной сантиметра в три. Странно, если в этой серой толще до сих пор не завелись разумные формы жизни. Того и гляди, придется отправлять к ним парламентариев, чтобы жители слоя пыли разрешили перенести свое место обитания в мусорное ведро или на безлюдный чердак.

– Пылесосы в вашем доме, как я понимаю, не водятся? – поинтересовался черт.

– Водятся, – ответил Владислав, поднимаясь с колен. Теперь было ясно, почему черт демонстративно отряхивался: он и в первый раз увидел под диваном богатые пылевые залежи. – Только у кое-кого из детей руки не доходят до территории поддиванья... Ничего, вечером этот вопрос будет решен. Возвращаемся к нашей основной проблеме.

– Ага, – черт засуетился, нахмурился и зачеркнул написанное. – Никогда не слышал, чтобы люди видели нас после кружки кофе, – пробормотал он. – Ладно, пойдем другим путем. Где, когда и в каком количестве ты в последний раз принимал алкоголь?

– Если ты успел забыть, то я – непьющий, – напомнил Владислав.

– Не-не-не, – затараторил черт. – Это я знаю. Но ты сам недавно сказал, что не пил ничего крепче кефира. А когда ты пил кефир в последний раз? И не запивал ли его молоком, тем самым понижая градус выпитого, отчего и опьянел.

– Градус? – переспросил Владислав. – В молоке?

– А что такого? – не понял черт. – Мало ли чего научились делать ваши умельцы?

Владислав хихикнул:

– Тогда бы все молоко продавали с акцизными марками, а коров приравняли к самогонным аппаратам и провели бы их экспроприацию в пользу государства, – сказал он.

– Не увиливай от ответа, – заметил черт. – Меня интересует наша проблема, а не государственная.

– Да не пил я молоко. И кефир тоже не пил.

– А...

– И даже мороженое не грыз. И сыр не ел, и творогом не заедал.

– Зря, – сказал черт. – Полезная штука.

– Сладости полезными не бывают. От них либо ожирение, либо кариес.

– Одно другому не помеха, – заметил черт.

– Тем более, – сказал Владислав. – Поехали дальше.

Черт скорчил забавную физиономию и слегка высунул язык, отдаленно напомнив малыша, глубоко задумавшегося над важной проблемой или рисующего карандашом гениальную картинку. Владислав предположил, что черту на самом деле немного лет, по этой причине он и ведет себя слишком непосредственно. Но как в таком случае должен выглядеть взрослый черт, ему уточнять не захотелось. Не ровен час, появится монстр с мышцами Арнольда Шварценеггера, и слова вымолвить не успеешь, как получишь за все хорошее стальным кулаком. И не посмотрят, что ты не алкоголик.

– Слушай! – неожиданно резко воскликнул черт. Владислав вздрогнул и выронил пульт от телевизора. – Я понял: у тебя позднее зажигание!

– Чего-чего? Какое еще зажигание? – повысил голос Владислав: сначала сосед подкалывает, теперь несуществующее мелко-рогатое пытается острить.

– А вот смотри, – предположил черт, – допустим, ты выпил что-нибудь неделю назад, а последствия наступили только сейчас.

Владислав понял, что если сейчас не перейдет в атаку, то черт засыплет его идиотскими вопросами и предположениями, и дело не сдвинется к разгадке ни на шаг.

«Придется взять ситуацию под личный контроль», – решил он.

Под пристальным взглядом Владислава черт отступил на шаг, на всякий случай выставил перед собой ручку и прикрылся блокнотом, как щитом.

– Что не так? – осторожно переспросил он.

– А если проблема не во мне, – сказал Владислав, – а в тебе?

Черт опустил ручку, но прикрываться блокнотом не перестал.

– Как это?

Владислав поднял упавший на пол пульт и положил его ближе к спинке дивана.

– Допустим, – сказал он, – не я, а ты выпил на днях, но признаться себе в алкоголизме не решаешься и поэтому упорно вешаешь на меня всех собак.

Черт отрицательно покачал головой.

– Не угадал, – ответил он. – Я тоже не пью алкоголь.

– Мама не разрешает? – поддел его Владислав в отместку за обвинение в молочном пьянстве.

– Чувство собственного достоинства! – ледяным тоном отчеканил черт. – Мало чести в желании нахрюкаться в зюю и завалиться спать у забора. Тьфу...

– Мощно, – пробормотал Владислав. Черти сразу же выросли в его глазах. – А не скажешь, кого обычно видят напившиеся в зюю черти? Толпу зеленых алкоголиков, просящих подкинуть мелочишки?

– Понятия не имею, – ответил черт. – И вообще, если бы я напился, то не я тебе мерещился бы, а ты – мне.

– И как определить, кто кому привиделся? – не сдавался Владислав. – Ведь не исключено, что происходящее со мной – выдумка твоего больного воображения.

– А это очень просто определить, – пояснил черт. – На чьей территории происходит встреча, тот и виновник торжества.

Владислав призадумался: а ведь правда. Ни один алкоголик не говорил о том, что попадает в места, населенные зелеными чертями, зато каждый второй говорит, что видит чертей, притаившихся в темных углах и грозящих оттуда кулаками.

Минут пять прошло в тишине: каждый пытался понять, что же, черт побери эти заумные загадки, стало причиной видения черта трезвенником? Из-за чего произошел сбой, и невозможное воплотилось в реальность?

«Не могу же я, в самом деле, видеть чертей из-за приема лекарств? – размышлял Владислав, вспомнив, что после обеда принял тридцать капель спиртового раствора. – Мизерное количество принимаемого опьянит разве что муравья. А я и с полного флакона ни в жизнь не захмелею – там всего пятьдесят миллиграммов!»

Черт нарушил молчание первым.

– Слушай, Владислав, – сказал он. – Я тут подумал, и вот что пришло мне в голову: а вдруг ты и раньше нас видел, только не придавал этому внимания? Вспомни! Может, тогда сумеем понять, в каких случаях мы начинаем тебе мерещиться?

Владислав отрицательно покачал головой.

– Единственное место, где я мог вас видеть – это телевизор или кинотеатр, – сказал он. – На худой конец, на картинках и древних гравюрах. Живые черти до сегодняшнего дня мимо не пробегали и глаза не мозолили. – Владислав выключил телевизор. – Кстати, ты знаешь мое имя.

– Да, а что?

– А сам не представишься? Не люблю разговаривать с анонимами.

– Меня зовут Липсик, – сказал черт. – Будем знакомы?

– Будем, настырная галлюцинация.

Имя для адского жителя выглядело достаточно простым, чтобы поверить в искренность черта, но с другой стороны, а почему бы и нет? Черти за тысячи лет общения с людьми могли позаимствовать немало человеческих имен, и так их называть гораздо удобнее, чем произносить заковыристое адское имя. Как в фэнтезийных книгах молодых авторов, где главные герои-эльфы с длинными именами вроде Эйлитониор Тюдорус Подруле Сюррен Дыхы сокращают их до лаконичного «Эй, ты! Подь сюда!»

Представившись, черт задумался над проблемой. Владислав не торопил его с ответом: пусть думает, сколько пожелает. И хорошо бы, если он думал до тех пор, пока способность видеть чертей у Владислава не пройдет. В конце-концов, даже упившиеся алкоголики перестают видеть чертей через определенное время после распития чего бы то ни было. А когда черти перестанут ему мерещиться, жизнь войдет в привычное русло, и ни один чужой алкогольный кошмар больше не начнет вести с ним непринужденную беседу о жите-бытье.

– Знаешь, Владислав, – наконец, сказал черт. – Я пришел к мысли, что существует единственное объяснение случившегося.

– Так говори, не томи душу!

– В общем, так, – сказал черт, – ты увидел меня после того, как надышался алкогольными парами и ударился головой о тумбу. Следовательно, твой мозг при ударе закоротило, и принесенные в него кровью молекулы спирта оказались вплавлены туда, где им быть не положено. Из-за этого ты начал видеть то, что раньше было доступно исключительно алкоголикам.

– Вплавлены? – ужаснулся Владислав. – Бред!

– Я образно выразился, – огрызнулся черт. – Вы, между прочим, сами постоянно говорите об очищении от шлаков, наличие которых в организме любого живого существа невозможно в принципе. Или вы представляете собой биологические доменные печи?

– Это тоже бред, – заявил Владислав. – Лапша на уши для выкачивания наличности.

– Критиковать намного проще, чем создавать, – обиделся черт. – Вот, сам выскажи разумную версию случившегося! Или слабо?

– Ладно, – не сдавался Владислав. – Тогда скажи: в какую именно область мозга они вплавились?

Черт развел руками.

– Этого я не знаю, – сказал он. – Мне, главное, выстроить правдоподобную версию случившегося и больше не возвращаться к данному вопросу. А разбор тонкостей – это удел профессионалов.

– Стоп-стоп-стоп... И в каком именно месте твоя версия правдоподобна?! – воскликнул Владислав. – Не подскажешь глупому австралопитеку?

Черт упер руки в бока.

– Не нравится – предложи свой вариант, – недовольно сказал он. – Сам хотел поскорее разобраться с этой проблемой, а теперь идешь на попятный?!

– Да с тем же успехом я мог заявить, что начал видеть тебя из-за долгого голодания! – воскликнул Владислав. – Не ел с самого утра, отощал, и ослабленный мозг начал выдавать зрительные и слуховые галлюцинации.

– Ничего подобного! Голодному мозгу мерещатся большие и сочные куски жареного мяса, – отпарировал черт. – Куча еды, и никаких чертей.

Дискуссия зашла в тупик. Владислав и сам понимал, что ничего конкретного они на пару с чертом придумать не сумеют, и все их версии будут отдавать сумасшедшинкой или откровенным бредом. Здесь требовалось участие настоящего ученого, который вопреки устоям верит в нематериальные штуки. Единственная, но непреодолимая загвоздка состояла в том, что отыскать такого слугу науки было нереально.

– Убедил, – примирительно ответил Владислав: желудок напомнил о себе бурчанием, и Владислав решил, что хватит с него на сегодня дискуссий. – Как говорится, за неимением луч-

шего подпишусь под твоим объяснением. У меня вообще никаких предположений не появилось.

– Так-то! – черт сменил гнев на милость. – Короче говоря, ты оказался не в том месте и не в то время, и теперь способен видеть нас в любое время дня и ночи. С чем тебя и поздравляю!

Владислав отрицательно покачал головой:

– А вот это уже лишнее, – заметил он. – Мне горевать впору, а не радоваться. Что хорошего в такой способности?

– А, по-моему, это круто! – воскликнул черт.

– Чем?

– Так ведь ты отныне – настоящий контактёр, не чета поддельным халтурщикам, – черт сел рядом на диван и привычно свесил с него ножки. – Слушай, а давай проведем полевые испытания: я сейчас приведу брата, и мы на практике убедимся, видишь ли ты только меня или других чертей тоже?

– Даже не думай! – забеспокоился Владислав. – Мне одного тебя видеть – уже перебор!

– Не бойсь, мы редко кусаемся, – подбодрил его черт. – Лучше возгордись собой: ты уникал! Я всем друзьям расскажу о твоих способностях, ты станешь дико знаменитым!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.